

С.Г. Марченко

**ЯГУНОВСКАЯ «РАССТРЕЛЬНАЯ ЗОНА» 1937–1938 гг.
У г. КЕМЕРОВО: БОЛЬ И ПАМЯТЬ**

Об этом страшном месте, поглощенном в настоящее время жилым районом Ягуновским областного центра Кузбасса – г. Кемерово – впервые без боязни заговорили в годы перестройки во второй половине 1980-х гг. Кемеровские журналисты на основе устных воспоминаний очевидцев и свидетелей трагических событий 30-х гг. XX в. поведали читателям о массовых расстрелах, производившихся в специальной зоне НКВД у шахтерского поселка Ягуновского в самые кровавые месяцы времени Большого террора в СССР и Кузбассе.

В 1987 г. на месте Ягуновской расстрельной зоны по инициативе кемеровского писателя и журналиста Фёдора Мефодиевича Ягунова был установлен памятный камень с высеченной на нем надписью: «Здесь захоронены жертвы политических репрессий 1937–1938 гг. Память о безвинно пострадавших будет вечно в сердце народном» (рис. 1, 2).

Спустя несколько лет после установления памятного камня к поиску дополнительных сведений о Ягуновской зоне энергично подключились учащиеся старших классов общеобразовательной школы № 50 жилого района Ягуновский, которые по результатам своих изысканий сняли документальный фильм «Ягуновский набат». Значительное место в нем заняли видеосъемки с людьми, являвшимися свидетелями трагических событий в Ягуновском. Тогда же активисты школьного музея «Память» по воспоминаниям жителей жилого района Ягуновского братьев Широкожуковых – Родиона Фроловича (1916–2006) и Павла Фроловича (1926 г.р.) составили подробный план самой расстрельной зоны (рис. 3), установили примерный период времени ее существования – с ноября 1937 по февраль 1938 г.

В феврале 1998 г. над памятным камнем на месте Ягуновской зоны стараниями настоятеля православного храма с. Комиссарово отца Александра («в миру» – Александр Иванович Москалев) установили стилизованную металлическую часовню. Она и завершила архитектурно-художественный ансамбль на ставшем к тому времени широко известном месте памяти и скорби.

На протяжении последних лет свои изыскания, связанные с Ягуновской зоной, проводили сотрудники музея истории уголовно-исполни-

тельной системы Кузбасса, с 2000 г. действующего при Главном управлении исполнения наказаний по Кемеровской области. Им удалось отыскать новые свидетельства о событиях времени репрессий и ранее не известные документальные материалы.

Так что же представляла собой Ягуновская зона к осени 1937 г., когда кузбасские органы НКВД готовились приступить к выполнению поступившей из Москвы (в дополнение к печально известному приказу НКВД СССР № 00447) «расстрельной разрядки»? Это был плоский участок земли общей площадью в 1,5–2 га, на котором размещались три двухэтажных засыпных барака, выстроенные еще в годы первой пятилетки для рабочих геологоразведочной партии и горняков шахты «Пионер».

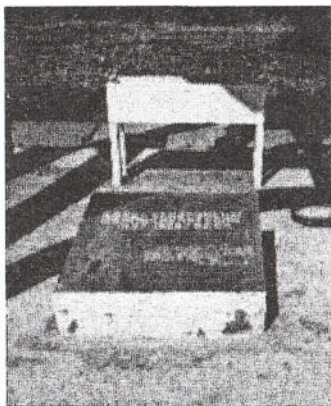

Рис. 1

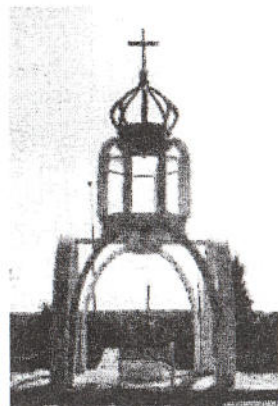

Рис. 2

Расположение зоны в 1937 году

1. Барак
2. Барак
3. Барак
4. Яма
5. Дорога
6. Площадка перед магазином
7. Магазин

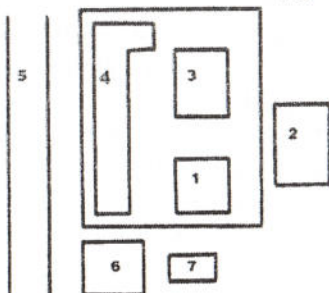

Рис. 3

В сентябре 1937 г. два из трех бараков оказались внутри территории, огороженной высоким, до пяти и более метров, забором с протянутой поверх него колючей проволокой, с вышками охраны по углам периметра ограждения и крепкими входными воротами в северной части забора. В третий барак, оказавшийся с внешней стороны забора, в котором проживало несколько семей горнорабочих и геологов, тогда же подселили семьи сотрудников НКВД, обслуживавших вновь созданную зону.

Новая зона официально именовалась филиалом тюрьмы отдела НКВД г. Кемерово. Первоначально в ней содержались заключенные-женщины, но уже в течение октября все женщины из зоны были перемещены в неизвестном направлении, а доставленная на их место первая партия заключенных-мужчин была привлечена к рытью глубокого «Г»-образной формы рва. О его глубине свидетели из числа местных жителей судили по высоте извлеченного из него грунта: он более чем на 2 м сплошной кучей возвышался над забором ограждения зоны. С ноября 1937 г. в сопровождении вооруженных охранников с собаками в зону регулярно стали прибывать колонны заключенных, и с этого времени, по свидетельству очевидцев, в зоне начали производиться ночные расстрелы.

Заключенные поступали из г. Кемерово пешим порядком в колоннах по четыре человека в ряд, причем, если «голова» такой колонны находилась уже у ворот зоны, то ее «хвост» еще оставался у развилки дорог за с. Комиссарово, то есть в 2–2,5 км от места назначения. У входных ворот заключенных по команде сотрудников НКВД ставили на колени, пересчитывали и небольшими партиями загоняли в расположенные внутри ограды бараки. По ночам, чаще всего ближе к рассвету, за забором зоны раздавались беспорядочные винтовочные и пистолетно-револьверные выстрелы. Когда же стрельба смолкала, то над забором со стороны рва поднимались к небу языки пламени и густой черный дым с характерным запахом горелого человеческого мяса. Нередко ветром из-за забора выносило ошметки обгоревшей одежды казненных: они фрагментами повисали на верхней части забора и часто вылетали за его пределы. Спустя 4–5 дней после расстрельных выстрелов в зону поступал очередной этап обреченных.

По свидетельству жителей поселка Ягуновского, никто из прибывавших в зону заключенных никогда назад не выходил...

Сотрудникам музея истории уголовно-исполнительной системы Кузбасса через архив Управления ФСБ России по Кемеровской удалось установить, что в январе 1938 г., на основании Постановления «тройки»

НКВД от 3 января 1938 г., в Ягуновской зоне были расстреляны: Витман Александр Петрович, 1883 г.р., немец, гражданин СССР, до ареста – инженер по технике безопасности треста «Азотстрой» в г. Кемерово; Кадлец Август Иосифович, 1892 г.р., уроженец города Вены, австриец, гражданин СССР, до ареста – слесарь треста «Азотстрой» г. Кемерово; Конищев Павел Степанович, 1901 г.р., русский, до ареста – начальник пожарной охраны треста «Азотстрой»; Ноак Павел Германович, 1893 г.р., уроженец г. Владикавказа, немец, гражданин СССР, до ареста – руководитель проектной группы треста «Азотстрой» в г. Кемерово; Познер Эдуард Иванович, 1910 г.р., уроженец города Томска, немец, гражданин СССР, до ареста – техник-строитель на Азотно-туковом заводе в г. Кемерово. Все перечисленные лица посмертно реабилитированы 6 сентября 1957 г.

По сведениям, имеющимся в архиве нашего музея, расстрелы в Ягуновской зоне систематически осуществлялись еще и в марте 1938 г.

По состоянию на 20 марта 1938 г. в бараках Ягуновской зоны содержалось 312 заключенных – «врагов народа», в числе которых были 17 «кулаков» и «выходцев из кулацких семей» сел Крапивинского района нынешней Кемеровской области, 7 марта приговоренных «тройкой» НКВД к расстрелу. 20 марта их этапировали из тюрьмы г. Кемерово – для «ликвидации» – в ее Ягуновское отделение.

22 марта одному из этих несчастных, «кулаку» Чазову Григорию Николаевичу, 1905 г.р., чудом удалось избежать смерти. Выведенный ко рву из барака-накопителя для исполнения над ним приговора, Г.Н. Чазов упал в ров еще до того, как прозвучали первые выстрелы и, притворившись мертвым, пролежал среди трупов до окончания ночной серии расстрелов. Под утро он с трудом выбрался из рва, преодолел забор ограждения и, скрываясь, сумел уйти в родное село Барачаты, расположенное в 45 километрах от г. Кемерово. Объявившись в отчет доме, он поведал о случившемся своей матери и младшему брату Фёдору и высказал намерение ехать в Москву, чтобы искать «правды» и добиваться пресечения произвола и насилия со стороны кузбасских органов НКВД. Брат Фёдор вызвался выехать в Москву вместе с ним.

5 апреля 1938 г. братья, добравшись до столицы, прибыли с заявлением в приемную Главной военной прокуратуры Союза ССР, где в тот же день были арестованы. Финал этой истории был предсказуем: 20 июля Григория Чазова «дострелили» в городе Москве по прежнему приговору, а его брат Фёдор как «социально-опасный элемент» получил 5 лет лагерей и сгинул на Колыме.

С окончанием ночных расстрелов в Ягуновской зоне это жуткое место какое-то время пустовало, хотя и охранялось как особый «секретный» объект. Местные власти вспомнили о нем в период активной фазы строительства шахты «Ягуновской», когда возникла острая нужда в строительных материалах для шахтовых объектов. Сначала разобрали забор ограждения, затем очередь дошла и до внутренних бараков зоны: бригаде шахтовых строителей было поручено аккуратно их разобрать. Однако, оказавшись внутри бараков, строители наотрез отказались от выполнения задания: все их стены были сплошь испещрены именами и фамилиями жертв и горькими словами последних прощаний. Судьбу этих бараков решили сотрудники госбезопасности из г. Кемерово: облили стены бензином и сожгли дотла.

Ежегодно 30 октября место бывшей Ягуновской расстрельной зоны собирает к своему мемориалу сотни различных по возрасту людей. Среди них жители Ягуновского района, учащиеся школы № 50 и других учебных заведений г. Кемерово, представители общественных организаций и политических партий. Всех объединяют общая боль, память и единый призыв: «Это не должно повториться!»